

КСЕНИЯ ШАМАНОВА

Шаман из космоса

РОМАН-ПУТЕШЕСТВИЕ

Ксения Шаманова

Шаман из космоса

<https://litres.ru/67822862>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мечтать нужно в настоящем времени. Но что делать, если реальность безжалостно разбивает твои мечты? Однажды Никита Сенин прекращает борьбу с ветряными мельницами. Гораздо легче смириться, ни о чём не думать, варить кофе и печь пряничных человечков... Но неожиданная встреча вырывает Никиту из замкнутого круга повседневных забот. Загадочная девушка, которая не мокнет под дождём, дарит ему счастливый билет. Бывший бариста становится пассажиром пустого автобуса и отправляется в путешествие по кофейным вселенным. На каждой остановке он находит попутчиков... Кто они такие и что пытаются найти? Здесь и сейчас Никита вынужден следовать главному правилу: "Никогда и ничему не удивляйся". Бедный бариста даже не догадывается, что его ждёт в самом конце пути...

Содержание

Пролог	5
Двойной эспрессо	14
Медовый раф	58
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Ксения Шаманова

Шаман из космоса

Пролог

Беги.

Беги так быстро, как только можешь.

Даже если тяжелеют икры и катастрофически не хватает кислорода.

Беги в полную силу, чтобы никто не догнал. Любое промедление, минутная пауза, внеплановая остановка могут стать решающими.

Если хочешь спасти затравленное эго и освободиться от оков замшелой действительности, продолжай движение. Не оборачивайся, иначе не выживешь.

Беги так же быстро, как пряничный человечек. И да, не надо вспоминать версию с трагическим финалом. Любая сказка – это вымысел, любой рассказчик – осьминог, который цепкими щупальцами хватается за случайные образы и переставляет их с клетки на клетку, пока не победит индивидуальность.

Итак, пряничный человечек всё-таки выжил, хотя и попался на уловки хитроумной (как гомеровский Одиссей) лисы. Но даже в такую минуту, когда превращаешься в убеждённого фаталиста и тебе кажется, будто всё предрешено, ты не захлебнёшься морской пеной. Высшие силы протягивают тебе руку помощи и предупреждают: «Борись, но только не наступай на одни и те же грабли, как какой-нибудь неуклю-

жий баран».

Карамельный сироп стоит на самой высокой полке. Как он вообще там оказался, чёрт возьми? Никита взобрался на ша-тающуюся табуретку и, рискуя собственной жизнью, попытался дотянуться до заветной бутылки. Слишком маленький рост для молодого человека – страшный комплекс. Каких-то жалких 169 см, да и к тому же Никита постоянно горбился. Дурацкая привычка, от которой не так-то просто избавиться. В общем, жертва уязвлённого самолюбия не удержала равновесия и рухнула на шершавый коврик. Бутылка с сиропом неожиданно оказалась открытой и сделала сальто-мортале.

– Извините, – Никита постарался выдавить обворожительную улыбку. Но возможно ли очаровать раздражённого лысеющего мужчину, который ненавидел тратить время на пустяки? «Вот сейчас замахнётся зонтом-тростью и так выругается, что мало не покажется!» – он почувствовал, как по спине пробежал неприятный холодок. Кажется, самое время снять с себя эту глупую улыбку и положить голову на плаху.

Покупатель откашлялся, искоса взглянул на нерадивого кофевара сквозь пыльные стёкла *ray ban* (и зачем могут понадобиться солнцезащитные очки в такой бессолнечный день?) и с хладнокровным видом потребовал вернуть деньги.

– Я передумал пить этот кофе, – он постучал по полу тем самым зонтом, который в воображении Никиты уже превратился в орудие пыток. – А вам следует быть осторожнее, иначе так всех клиентов распугаете, – суровый менторский тон.

Никита поморщился от досады: да кому нужны такие жалкие советы? Так же точно и Татьяна Ларина не хотела слышать от Онегина:

*Учитесь властвовать собою,
Не всякий вас, как я, поймёт.*

И при чём тут Онегин? Никита встал, отряхнул брюки и помахал липкой бутылкой с остатками карамельного сиропа перед двойным подбородком посетителя.

– Да что вы! Остался последний штрих. Ваш латте уже готов, сейчас я добавлю немного сиропа.

– Не нужен мне никакой сироп! – зонт-трость выпал из трясущихся рук и с грохотом упал на давно не мытый пол. Хозяин угрюмого предмета этого не заметил. – Верните деньги.

Бариста должен быть вежливым и доброжелательным, даже когда хочется сломать покупателю нос.

– Хорошо. Деньги поступят на карту в течение суток, – отчеканил Никита. Сам виноват: если знал, что не будет пить кофе, мог бы расплатиться наличными.

Конечно, сначала посетитель даже и представить не мог, что откажет себе в удовольствии вышагивать по залитой дождём набережной со стаканчиком карамельного латте в руке. Разумеется, он бы не позабыл распахнуть свой драгоценный зонт. Но как можно разрушить такую романтику только потому, что тебе попался неуклюжий бариста? Никита покачал головой: это было за гранью его понимания. Теперь придётся

платить самому и пить остывший приторный латте. Бр-р-р, вообще-то он предпочитает американо или двойной эспрессо, особенно в такие дождливые дни.

– Кстати, отдайте мне пряничного человека, – спохватился Никита.

Мужчина достал из кармана подарок от кофейни, бросил ни в чём не повинного героя народного эпоса на стол и с грациозностью слона поплыл к выходу. У пряничного бедняжки был насупленный вид. Даже вечно улыбающийся рот теперь искривился в едва ли добродушной насмешке.

Никита со вздохом облегчения опустился на стул, вздохматив и без того растрёпанные кудри. Говорят, достались в наследство от бабушки. Бариста никогда её не видел, поэтому приходилось верить родителям на слово. Золотистый волос плавно опустился в стаканчик отвергнутого кофе. Немного подумав, Никита вылил его в раковину. Вымыл руки, но не нашёл полотенца и вытер их кончиком застиранного фартука. Захотелось включить музыку, ведь посетителей всё равно не было. Nirvana или Гражданская оборона? Но русское поле экспериментов не успело привести ни к географии подлости, ни к апологии невежества, потому что слушателю вдруг бросился в глаза оставленный на полу зонт. Странно, он-то ведь точно ни в чём не виноват. Там, за дверью, проливной дождь гонит отчаянных прохожих прочь, а хозяин трости даже не подумал вернуться. Никита подхватил зонт, который так и не сумел сыграть роль плахи, и вы-

брался наружу. Даже фартук не снял, надеялся увидеть угрюмого человека неподалёку. Стекланные капли со звонким смехом ребёнка застучали по куполу зонта. Бариста остановился: ему всегда нравилось наблюдать за вечно опаздывающими людьми. Никита любил представлять происходящее в замедленной съёмке, и жители туманного города превращались тогда в маленькие точки, а некоторые – в запятые.

Он впал в оцепенение, пока стоял под чужим зонтом, и уже не помнил, зачем вышел из кофейни. Навстречу ему шла девушка в кожаном фиолетовом плаще, забывшая о существовании капюшона. Впрочем, ей не требовался ни капюшон, ни зонт, она парила над лужами, точно кружилась в вальсе, и улыбалась, не глядя никому в глаза. Незнакомка подставляла дождю лицо, но оно не было мокрым; её длинные белые волосы тоже оставались сухими – Никита не мог найти этому верное объяснение. Как это возможно: быть недостижимой для дождя?

– Вам совсем не нужен зонт? – не удержался Никита, когда их взгляды встретились. У неё были большие серо-зелёные глаза – такие же неправдоподобно большие, как у героинь аниме-сериалов. Кто же первым заметил, что глаза – это зеркало души?

Девушка покачала головой.

– Дождь – всего лишь красивая выдумка.

Ничего себе! Остальные бегут по лужам, точно суетливые муравьи, прячутся в автомобилях, кутаются в дожде-

вики, а для этой нимфоподобной девушки дождь – всего лишь красивая выдумка. Никита замер, невольно почувствовав необъяснимое магнетическое притяжение к незнакомке. Покровительница невесомости. Богиня радуг и совершенной красоты, лишённой силы разрушения. Только созидание и спасение – суть космического дара, способного изменить мир через шёпот листвы и звон призрачных капель. Протянуть руку в знак уважения? В кармане всё ещё лежал пряничный человечек, и Никита решил изменить принципам и отдать улыбчивого парнишку просто так, не требуя ничего взамен. Кажется, эта девушка достойна подобного акта самопожертвования.

– Вау! – незнакомка захлопала в ладоши. Подарок на самом деле удивил её и привёл в неописуемое восхищение. Это выглядело немного странно, ведь остальные покупатели даже не обращали внимания на такой скромный дар и относились к нему как к чему-то совершенно обыкновенному.

– Я коллекционирую пряничных человечков, – наконец пояснила девушка. – Знаю, что они очень вкусные, но не могу их есть. А вдруг однажды один из них оживёт?

– На самом деле они все по-своему живые, – развёл руками Никита. Он и правда не находил в этом ничего удивительного.

– Я знаю. У этих милых человечков такая приятная улыбка! Смотрю и улыбаюсь в ответ, даже когда мне грустно.

– А где вы берёте этих пряничных человечков? – поинте-

ресовался Никита. В его голосе послышались ревнивые нотки. Нужно обязательно разобраться с неожиданно объявившимися конкурентами. Девушка указала рукой на кофейню.

– Вот оттуда.

Бариста вздохнул с облегчением, правда, очень странно, что он ни разу не видел эту чудачку. Таковую, как она, сложно не запомнить.

– Кстати, вы смотрели фильм «Пианист?» – поспешно перевела тему недостижимая для дождя.

Если бы она знала, сколько вообще фильмов он посмотрел в своей жизни!

– Вы похожи на актёра Эдриана Броуди.

– Правда? Но у меня светлые волосы.

– Зато нос точной такой же.

Пора пересмотреть «Пианиста». Впрочем, Никита не любил тратить время на бессмысленные повторы, он жаждал новых эмоций, чтобы забрать их в искусство. В свободные от кофеварения минуты бариста смотрел фильмы, всегда обращая внимания на интересный сценарий, потому что ему хотелось придумать собственный оригинальный сюжет. Создать что-то из ряда вон выходящее и опрокинуть повседневность лицом в яркую краску творческого безумия.

Никита взял в руки телефон и набрал в поисковике *Эдриан Броуди*. Определённо, есть небольшое сходство. И наверное, это всё-таки комплимент. Внешность, конечно, необычная, но сам актёр чертовски обаятелен. К тому же незнаком-

ка не обманывала: нос у Никиты точь-в-точь такой же.

– Знаете, кажется, я должна вас поблагодарить, – девушка хлопнула себя по лбу, как будто в эту минуту ей пришла в голову какая-то потрясающая идея.

Дождь прекратился, но Никита продолжал держать распахнутый зонт над головой. Ни одна капелька не запуталась в волосах красивой незнакомки. Бариста даже перестал этому удивляться: в конце концов, никто ещё не доказал, что на свете не существует волшебства.

Девушка достала миниатюрный кожаный рюкзачок, и через несколько секунд в её руке оказался билет на автобус. Она всё с той же улыбкой феи-вдохновительницы протянула его Никите. Он почувствовал себя неловко, потому что совершенно не понимал, что должен делать с этим билетом. Конечно, сразу обратил внимание на цифры – детская привычка – 137614. Значит, билет был счастливым, да ещё и сумма чисел $11+11$ совпадала с его возрастом. Разумеется, это случайность, откуда же незнакомке знать, сколько ему лет? Наверное, этот билетик был чем-то вроде сувенира. В детстве он собирал такие счастливые билеты, ведь ему часто приходилось ездить на автобусах. С возрастом страсть к коллекционированию прошла, но всё ещё осталась память о том странном чувстве, которое греет сердце, когда тебе случайно достаётся заветный билетик. В этот день обязательно должно было произойти что-то хорошее, и, как ни странно, оно действительно происходило.

– Береги честь смолоду, – девушка подмигнула Никите. – И скоро ты всё поймёшь. А пока... попробуй не опоздать, – она кивком указала на длинный синий автобус с затемнёнными стёклами. Здесь, на улице, невозможно было разглядеть, что происходило внутри. Никите стало немного жутко. Он всё ещё сжимал в руке счастливый билет и уже не сомневался, что должен ехать прямо сейчас. Автобус остановился и гостеприимно распахнул двери. Бариста обернулся, чтобы задать незнакомке вопрос (ещё не знал, какой именно, но уже понимал, что без вопросов тут точно не обойтись) но девушка исчезла, оставив после себя только кожаный рюкзачок.

Дверцы автобуса недовольно заскрипели. Никите казалось, что он всё ещё слышит последнюю реплику странной коллекционерки: «Попробуй не опоздать». Никита влетел в автобус, не отдавая себе отчёта в том, что делает прямо сейчас. В одной руке он держал чужой зонт, в другой – чужой рюкзак, а между указательным и безымянным пальцем был зажат счастливый билет, подаренный незнакомкой в знак благодарности. Кто знает, может быть, тоже совершенно *чужой* и предназначенный кому-то другому?

Осторожно, двери закрываются. Следующая остановка...

Двойной эспresso

*И только смерть непоправима.
Хемингуэй*

Хотелось, чтобы всё это оказалось сном. Когда Никита обнаружил, что он единственный пассажир автобуса, то почувствовал тяжесть в грудной клетке и голодную боль в животе. Ещё неизвестно, куда этот странный автобус привезёт несчастного путешественника. Всё-таки не стоило доверять красивой девушке, которая не мокла под дождём. Счастливый билетик мог оказаться приманкой в ловушку, а в кожаном рюкзаке не было ничего, кроме коллекции пряничных человечков. Кажется, около ста, вот только не очень понятно, зачем незнакомке их собирать. Кстати, сомнений быть не могло: всех этих человечков делал сам Никита, но как они попали к хитрой колдунье с заговорщицким взглядом? Он мог поклясться перед Богом, хотя в глубине души и был убеждённым атеистом, что эта девушка ни разу не приходила в кофейню.

Никита поёжился, мокрая ветровка прилипла к телу, а в автобусе было почти так же холодно, как в морозильной камере. Он ничего не мог разглядеть за тёмными стёклами и даже не подозревал, где находится остановка с комическим названием *Двойной эспresso*. Согласившись на эту поездку,

бедняга добровольно шагнул в один из параллельных миров. Кстати, в теорию о мультивселенной Никита немного верил, и это позволяло ему время от времени успокаивать самого себя. Опять ничего не получается и всё идёт вверх дном, зато в другом измерении его копия счастлива до безумия и наслаждается каждым фрагментом собственного существования. «Конечно, я немного завидую, но всё же, брат, я искренне рад за тебя», – говорил в такие минуты Никита, представляя перед собой довольное лицо доппельгангера. Может, пришло время занять его место?

Набравшись смелости, Никита подошёл к водительскому креслу. Нужно же было у кого-то узнать маршрут призрачного автобуса. Пряничный человечек, которым он собирался задобрить водителя, выпал из рук и разломился надвое. Доверчивую улыбку сменила гримаса нечаянной боли. Та незнакомка очень сильно расстроилась бы, если только она не искусный гипнотизёр и манипулятор. Никита вскрикнул и тут же закрыл рот рукой, испугавшись неожиданного внутриутробного крика. А страшнее всего прочего был не его *чужой* крик, не тёмные стёкла, не девушка, которая не мокла под дождём, и даже не разломанный на две части пряничный человечек. (Никита только что наступил на него ногой). Страшнее всего прочего было пустое водительское кресло: автобус двигался сам по себе, без чьей-либо помощи. Надо было ущипнуть себя, потому что бариста ненавидел кошмары. Недавно повесил над кроватью ловец снов, но, по-види-

мому, тот мало помогал. Шестое чувство подсказывало ему: это то самое сновидение, которому следовало бы запутаться в паутине. Ущипнул себя за руку – и вскрикнул в очередной раз, только уже от боли. Почему он не просыпается? Зачем вообще выбрался из кофейни в разгар рабочего дня с этим чёртовым зонтом-тростью? А во всём виноват псевдоинтеллигент, отказавшийся заплатить за латте. А может быть, ещё бутылка с карамельным сиропом. Кто подшутил над хобби-том-кофеваром и поставил её так высоко?

Остановка Двойной эспresso. Никита вздрогнул от звука металлического голоса. Двери открылись и приглашали единственного пассажира выйти. «Кажется, прошло около пятнадцати минут... Мы не должны были уехать слишком далеко от кофейни. Я могу отсюда сбежать», – твёрдо решил Никита, и эта мысль придала ему смелости.

Двери закрылись, и автобус исчез из виду так же внезапно, как и появился. Бариста огляделся и с ужасом понял, что никогда прежде не видел такого странного места. На облупившейся вывеске действительно красовались два слова: «*Двойной эспresso*». Почему-то казалось, что они насмеются над заблудившимся путником.

Всё вокруг выглядело мрачным и пугающим, а из-за густого тумана сложно было не сбиться с дороги. Впрочем, Никита понятия не имел, куда ему двигаться дальше. Прямо перед собой он увидел *дрожащий, гибельный мосток* – и, по видимому, это был единственный способ перебраться через

ручей. А стоило ли вообще рисковать жизнью?

Но оставаться на одном месте Никита тоже не мог, поэтому пришлось двигаться по единственной дороге, которая казалась проторённой. Правда, он усомнился в этом, как только ступил на мосток. Сейчас эти слабые жёрдочки проломаются и Никита упадёт в воду. С детства боялся воды, потому что однажды едва не утонул. Отец даже специально записал его в бассейн, чтобы научился плавать. Но Никита обманывал родителей и сбегал из этого страшного места, как только представлялась удачная возможность. В общем, плавать бариста не умел, а значит, у него не было никаких надежд на благополучный исход. Осталось только довериться судьбе.

Но мосток всё-таки выдержал. Никита оказался на просторной поляне, откуда доносились отголоски философских споров. Время от времени они прерывались громким хохотом. Бариста приблизился к длинному столу, где собрались званые гости, и замер – то ли оттого, что не знал, как следует себя вести, то ли оттого, что был слишком поражён увиденным. Казалось, это не люди, а настоящие чудовища; каждый из гостей надел страшную маску:

Один в рогах, с собачьей мордой,

*Другой с петушьей головой...*¹

Никита закрыл глаза и через полминуты снова открыл, желая избавиться от наваждения. Но ничего не изменилось: чудовища пировали за столом и высоко поднимали кубки.

¹ А.С. Пушкин. Евгений Онегин.

Кровавое вино струилось по гигантским ртам и острым подбородкам.

Рядом стояли прилавки с не менее пугающими масками, которые наверняка предназначались для новоприбывших. Продавец в костюме медведя любезно предложил Никите *выбрать подходящее лицо*.

Язык прилип к нёбу, мешая говорить, поэтому бедняга сумел выдать из себя только нечленораздельный звук.

– Не-е-е...

Никита хотел отказаться, но продавец масок уверил его в том, что это невежливо по отношению к таким именитым гостям.

– И неужели вам не скучно ежедневно смотреть на своё *обыкновенное* лицо? Это очень расстраивает. Надеюсь, вы со мной согласитесь, – медведь протянул Никите маску с застывшей улыбкой, как у Гуинплена – героя романа Виктора Гюго.

– Я не часто смотрюсь в зеркало, – признался Никита, к которому наконец-то вернулась способность говорить. Нельзя сказать, что слова незнакомца никоим образом не задели его самолюбия. Помнится, совсем недавно кофевара сравнили с Эдрианом Броуди, а теперь какой-то Собакевич называет его лицо *обыкновенным*! После покупки маски, за которую пришлось отдать смятую сторублёвую бумажку, неожиданно обнаруженную в кармане, гости позвали его за стол. От запаха поджаренного мяса Никита почувствовал сильную

тошноту: за весь день он выпил только глоток приторного карамельного латте. У Никиты с детства была такая дурацкая привычка: пропускать первый приём пищи. Раньше он постоянно опаздывал в школу, поэтому не успевал заглотить даже бутерброд. По натуре сова, Никита ненавидел утро, и его дурное настроение не давало возможности получать удовольствие от еды. Гораздо охотнее бариста выпивал в начале рабочего дня ристретто или американо, чтобы окончательно проснуться.

Сейчас он чувствовал страшный голод, но в такой компании не решался приступить к трапезе. Девушка в маске и шёлковом рыжем халате положила руки на его плечи:

– Сделать тебе массаж?

Никита отрицательно покачал головой и попытался намекнуть незнакомке, что он имеет право на защиту личного пространства. Кицунэ как будто всё поняла и ушла, подхватив со стола пустой кувшин. Она грациозно несла его над головой, пытаясь привлечь внимание местных мужчин. На лбу Никиты выступили капельки пота, ему захотелось сорвать с лица глупую маску, но это значило нарушить правила и добровольно согласиться на участь безумца Чацкого. Кто знает, под какую рифму появился на сцене сам Никита, обладатель *счастливого* билета, который больше не казался ему подарком судьбы?

Аппетит пропал окончательно, когда его сосед, куривший слишком крепкую сигару, предложил поднять бокал за кра-

сивых женщин. «И откуда ему знать, красива эта лисица или нет? Они все здесь скрываются», – с неудовольствием подумал Никита, но на автомате схватился за кубок с вином. Липкие красные струйки защекотали пальцы, как только он разглядел, чем был этот сосуд на самом деле. Кубок выпал из рук, и вино вылилось на колени.

Дело в том, что это был вовсе не кубок, а настоящий человеческий череп. Другие гости не придавали этому никакого значения и совершенно спокойно наслаждались каждым глотком терпкого вина. Никите хотелось закричать, вскочить со стула, обвинить мерзких канныбалов во всех смертных грехах и со словами «да как вы смеете?» сбежать из *Двойного эспresso*. Но Никита ничего не сделал, а только принялся вытирать брюки салфеткой, которую любезно предложила ему дама в элегантном чёрном платье. Она с любопытством поглядывала на растерянного незнакомца из-под таинственной холодной полумаски.

– Кто вы такой? – послышался оглушительный шёпот.

– Не поверите, меня интересует точно такой же вопрос, только задать я его хотел бы всем вам. Кто вы такие? – Никита почувствовал, что ему нечем дышать, и попытался снять маску Гуинплена, но она прилипла к лицу намертво. «Час от часу не легче! – с досадой подумал он. – А потом ещё окажется, что мне с такой гримасой ходить до конца своих дней! Нет уж, надо срочно отсюда выбираться».

Собеседница отвернулась, потеряв к новичку всякий ин-

терес. Казалось, она была глубоко оскорблена и унижена, но Никита не чувствовал никакой вины. Скорее всего, он попал в общество преступников и, может быть, даже чудовищных убийц-рецидивистов. Иначе, как объяснить, почему они скрывают лица и пьют вино из человеческих черепов, инкрустированных драгоценными камнями?

– Хочешь закурить? – мужчина с головой осла протянул Никите сигару.

– Нет, спасибо, я не курю.

– Да ты прямо ходячая добродетель! – расхохотался осёл и по-товарищески похлопал нового приятеля по плечу. – Кстати, тот кубок, который ты чуть не сломал, на самом деле череп моего вредного дядюшки, – собеседник в очередной раз засмеялся, и звуки неестественного, как будто записанного на диктофон смеха показались Никите противными. Он едва удержался, чтобы не вылить остатки вина на голову этого грешника.

– Вы убиваете людей? – спросил наконец кофевар и сильнее вжался в стул. Теперь он выглядел ещё меньше ростом. Наверное, эта хитрая колдунья, коллекционерка пряничных человечков, специально отправила его на верную гибель. Скорее всего, через несколько дней тот же самый осёл будет пить вино из Никитино череп и рассказывать, каким жалким и простодушным был этот молодой человек. Хорошо ещё, что он не был ничьим родственником, и поэтому его можно принести в жертву кровожадному Дионису без вся-

кого сожаления. Осёл что-то шепнул приятелям, и они нахально расхохотались.

– Он думает, что мы убиваем людей! – нервно потрясая черепом-кубком, хихикал мужчина с чёрными рогами.

– Сдираем скальп, а из голов делаем кубок для вина! – подхватил другой и тоже не удержался от смеха.

Никита ещё сильнее почувствовал себя не в своей тарелке: никогда прежде его вот так не высмеивали.

– Дружок, сами мы никого не убиваем. Это дары нашего великого хирурга.

– Великого хирурга? Это наёмный убийца? – дрожащим голосом спросил бариста.

Смех прекратился, сменившись гулом всеобщего осуждения. Лисица застыла с подносом в руке, на котором красовалось серебряное блюдо. Гости собирались отведать знаменитый бараний желудок, начинённый гречневой кашей. Однако после неосторожной фразы молодого незнакомца аппетит пропал и у всех остальных.

– Я не позволю ему оскорблять великого хирурга! – пропищала женщина с запутавшимися в волосах вороньими перьями.

– Дорогая, он ведь не знал... – попытался успокоить её супруг. Он взял женщину за руку, но та, обиженная до глубины души, отстранилась и принялась допивать вино.

– Он не здешний и никогда ничего не слышал о великом благодетеле, – встал на защиту Никиты мужчина в маске ос-

ла.

Теперь он немного успокоился, а его голос звучал серьёзно и строго.

– Извините, если я оскорбил ваши чувства, – выдавил из себя бариста. Сейчас он был даже рад, что его то краснеющее, то бледнеющее лицо скрывает маска.

Раздался вздох облегчения.

– Вот видите, он искренне раскаивается.

– Простите его на этот раз.

– Да-да, простим юнцу его неопытность.

– Выпьем же за здоровье великого хирурга!

Гости вскочили из-за стола и подняли кубки высоко над головами. Никите пришлось последовать их примеру, хотя он совершенно уверился в том, что попал в религиозную секту, что-то наподобие масонов или того хуже. А может быть, вообще оказался в первобытном обществе бандитов-дикарей и стал жертвой их беспощадного заговора.

Размышления несчастного кофевара прервал пронзительный крик невесты откуда взявшегося парнишки. Два человека в рыцарских доспехах вели узника под руки, а он – вихрастый мальчуган-подросток в нелепой полосатой пижаме – пытался вырваться и выкрикивал страшные и грубые ругательства. Никите захотелось почистить уши: он и представить не мог, что у тринадцатилетних мальчиков может быть такой богатый лексикон. Этот парнишка стал бы первоклассным учителем великого и могучего нецензурного языка.

– Вы не имеете права! Поставьте меня на место, гады недоразвитые! – мальчишка с презрением плюнул одному из рыцарей в лицо.

– Что произошло? – осведомился осёл, зажигая очередную сигару.

– Он только что тайно проник в сад великого хирурга, – осипшим голосом проговорил рыцарь с оплётанным лицом. Когда речь заходила о благодетеле из Двойного эспresso, все вдруг замирали. Это была высшая степень уважения, доведённого до абсурда. Попробуй выдавить из себя по капле раба – обязательно попадёшь в мышеловку. Никита не соби-рался лезть туда добровольно, но даже у него перехватило дыхание, когда он вновь услышал о великом хирурге. Второй рыцарь продемонстрировал гостям аэрозольный баллончик, похожий на тот, что используют для самообороны.

– Он опрыскивал яблоки великого хирурга вот этим ядовитым веществом! – у рыцаря даже глаза округлились – то ли от возмущения, то ли от ужаса.

– Зачем ты это сделал? – обратился к подсудимому мужчина в маске осла. Он был здесь самым главным. Может быть, верный сподвижник хирурга, ведь у каждого короля есть свой десница.

– Он украл мою младшую сестру для своих дурацких экспериментов! – закричал мальчишка. А затем показал оплётанному рыцарю язык и наступил на ногу второму сопернику. Тот поморщился от боли, но не выпустил руку нахально-

го мальчугана.

По телу Никиты запрыгали беснующиеся мурашки, хотя безразмерная коричневая толстовка всегда согревала его в холодные дни. Но сейчас ему действительно стало холодно, и он никак не мог унять неприятную дрожь в коленях. Никитины опасения оправдались: великий хирург – серийный убийца, который использует людей, как кукол, чтобы проводить антигуманные эксперименты.

– Как ты смеешь называть эксперименты благодетеля дурацкими? – взвизгнула дама в чёрной маске и с вороньими перьями в волосах.

– Этого не может быть. Великий никогда никого не крадёт, он проводит эксперименты над человеком только с его личного согласия. Ты уверен, что твоя сестра не по своей воле пошла к благодетелю? Может, хотела немного подправить лицо? – осёл пытался сохранять спокойный тон, но раздражительные нотки то и дело проскальзывали наружу и выдавали его недовольство.

– Моя сестра – самая красивая девочка во всём мире! – отрезал мальчуган, пытаясь освободиться от цепких объятий неумолимых стражников.

– Очень даже возможно, но только в том случае, если она не похожа на тебя, – пошутил один из гостей. Остальные с одобрением рассмеялись, а рыжеволосый веснушчатый мальчик густо покраснел, но ничего не ответил.

Да, он не был красавчиком, но неприглядная внешность

не должна становиться объектом для насмешек и неприятных шуток. Именно поэтому Никита сразу принял сторону мальчугана. Может быть, отравить яблоки хирурга – это не такое ужасное преступление, по сравнению с теми, что совершает сам благодетель? Бариста терпеть не мог эксперименты. Однажды на уроке биологии учительница показала им фильм, основанный на реальных событиях. Психологи задумали проверить, сколько боли могут причинить друг другу незнакомые люди. Один играл роль учителя, а второй – ученика, и первый жестоко наказывал ученика-актёра электрическим разрядом за любую ошибку. Разумеется, испытуемый не знал, что жертва – подставное лицо и на самом деле удар током был ненастоящим. Но общая картина произвела на десятиклассника неизгладимое впечатление: он разочаровался в людях. С тех самых пор слово «эксперимент» ассоциировалось у него с жестокостью и садизмом.

– Я считаю, что этот мальчик должен быть казнён здесь и сейчас, – озвучил суровый приговор сосед осла.

Никита очнулся от мыслей – назойливых, как комары в июньской полутьме. Нет, он ни в коем случае не мог допустить, чтобы прямо у него на глазах казнили человека. Тем более это несовершеннолетний! А как же смягчающие обстоятельства? К тому же поступок парнишки можно считать обыкновенной шалостью, ведь в этом деле никто не пострадал, если забыть о яблоках уставших Гесперид.

– Поддерживаю, – ответил осёл, и оплётанный рыцарь вы-

тащил шпагу из ножен. Никита увидел злоеший блеск клинка и вскочил с места. Мальчишка осыпал палача очередным потоком непечатных ругательств.

– Прекратите! Его нельзя убивать! – в эту минуту бариста чувствовал себя смелым властелином судеб, но на самом деле выглядел затравленным зверьком, угодившим в капкан.

Голос Никиты предательски дрожал, но люди в масках тотчас же повернулись к безумцу, восставшему против мнений света. Они приготовились его слушать, и когда говорящий это понял, то ощутил слабый прилив сил и бодрости.

Никита вытащил из рюкзака колдуньи пряничного человечка и, пытаясь произвести впечатление, потряс им перед собой.

– Вы когда-нибудь слышали эту историю? – откашлялся и поблагодарил судьбу, что из-за масок не видит ни осуждения, ни презрительных ухмылок на лицах слушателей.

– Этот человечек мечтал убежать от своей хозяйки. Он знал, что его съедят, поэтому бросился вон из тёплого дома и угодил в уличный мир, полный опасностей. – Никите казалось, что он охвачен безумным творческим пылом. Гости слушали, рука со шпагой застыла в воздухе, а мальчик уселся на корточки и внимательно наблюдал за личным благодетелем.

– Пока он бежал, почти каждый попутчик пытался его убить. Одна лисица хитростью завлекла человечка в сети, – тут Никита бросил красноречивый взгляд на Кицунэ с под-

носом, и та поспешно удалилась.

– Есть версия, что лиса убила пряничного человечка. Но это неправда, на самом деле он сумел спастись благодаря собственному упорству и силе духа. А теперь я попрошу вас отведать этот чудесный пряник, – с видом хитрого фокусника бариста вручил подарок человеку в маске осла. Тот с осторожностью взял пряничного человечка и с минуту неотрывно смотрел на него. А потом хлопнул Никиту по плечу и расхохотался так же непростительно громко, как в самом начале их знакомства.

– Кажется, я понял, вы – шаман из космоса.

Никита не ожидал подобного поворота, но на всякий случай кивнул.

– Вчера великий хирург сообщил нам это преприятное известие. Мы ждали вашего появления с минуты на минуту, но никто и предположить не мог, что вы настолько молоды. Что ж, рад знакомству, – осёл протянул Никите гигантскую красную руку. На ощупь она оказалась горячей и липкой, но несчастному кофевару пришлось сделать вид, что это рукопожатие для него – лестный знак внимания.

– Извините я не хотел раскрывать инкогнито, – вежливо проговорил Никита. – Решил для начала присмотреться к вам и узнать ваши порядки. Кстати, тот проказник вовсе не собирался проникать в сад благодетеля и опрыскивать его яблоки ядом. Этот мальчишка – мой подчинённый, – новоиспечённый шаман поискал взглядом малолетнего бунтаря,

но тот внезапно исчез. Рыцари с поднятыми шпагами растерянно оглядывались в поисках осуждённого.

– Надеюсь, мы ничем вас не обидели, – заворковала женщина в маске вороны.

– Вы ведь предскажете наше будущее?

– Да, благодетель обещал, что вы...

– Где карты таро? Несите, он сделает расклад каждому!

– У меня есть совсем новенькая колода.

Никита замахал руками, пытаясь вставить хотя бы слово в этот хаотичный полилог.

– Нет, я не гадаю на картах таро! И я не собираюсь никому делать расклад!

Гости замолчали, они поняли, что этот новоприбывший шаман вовсе не прост.

– Значит, карты таро – это не ваша специализация? Как же вы в таком случае гадаете? – поинтересовался осёл.

Никита обвёл взглядом присутствующих и понял, что атмосфера снова становится напряжённой. К тому же мальчишка сбежал, а публика уже настроилась получить хлеба и зрелищ. В такой ситуации лучший способ – обрушить гнев на первого попавшегося человека, например, самозванца-ре-визора.

– Я гадаю... – Никита выдержал паузу, – на кофейной гуще.

– На кофейной гуще?

– Боже мой, он сказал, что гадает на кофейной гуще!

– У нас ещё остался кофе?

– Разумеется, как мы вообще можем без него обходиться!

Хитрость удалась, и бариста снова обрёл почву под ногами. – Я сам его сварю, хорошо?

Невесть откуда появившаяся лисица схватила шамана-предсказателя за руку и повела на кухню.

«Как только они потеряют ко мне интерес, надо срочно уходить», – твёрдо решил Никита, снял толстовку и обнаружил под ней фартук из кофейни.

Бариста посетовал, что в этом измерении нет любимой кофейной машины, вымыл заржавевшую турку и высыпал молотый кофе. Его запах Никите совсем не понравился, но ведь для гадания на кофейной гуще подойдёт и второсортный напиток. Разумеется, бариста никогда ничем подобным не занимался и вообще не считал гадания чем-то достойным внимания современного образованного человека. Но в этом измерении его принимают за шамана, прилетевшего с другой планеты, а инопланетному гостю ни в коем случае нельзя упасть лицом в грязь. Надо просто сочинить на скорую руку остросюжетную историю, разглядывая причудливые пятна Роршаха на дне кружки. Всё-таки кофевар мечтал стать знаменитым сценаристом, а значит, любой опыт можно воспринимать как хорошую практику.

– Готово, – таинственным тоном произнёс Никита, подмигнул лисице и небрежным жестом откинул спадающую на лоб чёлку.

– Следуйте за мной, – лисица повела шамана к гостям, которые ждали очередного зрелища. Гадание на кофейной гуще казалось им намного интереснее гладиаторского боя или скачек на диких лошадях. Никита поднял кружку с остатками кофе и галантно откашлялся. Он сделал вид, что собирается поведать жителям Двойного эспresso что-то по-настоящему значительное, способное перевернуть их мир вверх дном.

– Итак, воля демиурга из космоса – сообщить вам потрясающую новость.

Гости замерли в оцепенении, сигара выпала изо рта человека-осла, женщина с вороньими перьями в волосах шикнула на пробегающую мимо чёрную кошку.

– Кофейная гуща указывает мне путь в пещеру. Это место, откуда невозможно выбраться. Чем глубже пробираешься, тем сильнее увязаешь. Это страшное место, где невыносимая духота клешнями впивается в глотку человека, и тот рассыпается прахом... – Никита так увлёкся, что не сразу заметил, каким животным страхом объаты его слушатели. Один мужчина в маске молодого поросёнка рухнул на колени и воздел руки к небесам. Даже туман стал ещё более густым, и там, на вершине мира, не было видно ни одного силуэта, только кудрявая сизая дымка.

– Помилуй нас за грехи наши! – запричитал почтенный господин-свинья. Остальные приготовились последовать примеру раскаявшегося грешника, но Никита покачал

головой и приложил указательный палец к губам.

– Я ещё недоговорил, а демиург просит тишины.

– Кто такой демиург? – слышался чей-то встревоженный шёпот.

– Да это их космический благодетель. У нас хирург, а у них – демиург, – пояснил охрипший от напряжения голос.

– Эта пещера угрожает жителям вашего города только в одном случае: если вы продолжите вести праздный образ жизни и пить вино из человеческих черепов.

– Боже мой! Пожалуйста, укажи нам путь, только помилуй! – взмолилась женщина в оранжевом плаще и маске Мельпомены.

– Да, мы не хотим в пещеру! Скажи это своему дурке или как его там называют! – подхватил осёл.

– Наш демиург – великий гуманист, – продолжил Никита, удовлетворённый произведённым эффектом. – И если вы хотите попросить прощения, то докажите это поступками...

– Что нам нужно сделать? – женщина-ворона вскочила на ноги и ударила себя в грудь; этим жестом она пыталась показать, что нет границ её преданности и она сделает всё что угодно. Бариста хотел улыбнуться, чтобы немного успокоить слушателей, но вспомнил: на нём маска Гуинплена. А это значит, что Никита всё время улыбался, даже когда вовсе не хотел этого делать.

– Просто не причиняйте друг другу зла, – изрёк прописную истину шаман из космоса.

– И больше ничего? – осёл подавился дымом от сигары и поспешно приложился к черепу с вином, точно боялся, что скоро неведомые силы отберут божественный напиток.

– А разве этого мало? – искренне удивился Никита. – Если хотите, то вот вам ещё один совет от демиурга: думайте своей головой. Ваш хирург – хороший правитель, но нельзя слепо подчиняться его приказам.

Последняя фраза оказалась лишней, и гости с неодобрением заговорили. Кто-то из них выкрикнул: «Да как он смеет!» Но его попросили замолчать: никто ведь не знает, на что способен шаман, прибывший из открытого космоса.

– Извините, ошибся: хирурга, конечно, слушайтесь, – поправился Никита и вдруг увидел приехавший прямо за ним длинный автобус. В другой ситуации он бы так не обрадовался, но теперь с замиранием сердца бросился к распахнувшимся дверям.

– Демиург вызывает! Срочное дело! – громко закричал бариста, научившийся гадать на кофейной гуще.

– Счастливого пути!

– Спасибо, шаман, приезжай ещё.

– Нет, не надо к нам больше приезжать!

– Да я же из вежливости...

Никита сделал вид, что не услышал эту словесную перепалку, помахал жителям, а очарованной Кицунэ послал воздушный поцелуй.

Когда дверцы захлопнулись, кофевар рухнул на первое

попавшееся кресло и тяжело выдохнул. Первая остановка миновала, а он всё ещё жив; даже если это всего лишь отсрочка, нельзя сказать, чтобы бариста ей не обрадовался. Только сейчас он почувствовал боль и страшное жжение в лицевых мускулах и понял, что до сих пор не снял маску Гуинплена. Пришлось приложить немало усилий, и бедному кофевару показалось, что он отдирает маску прямо с кожей. От жуткой улыбки французского персонажа по спине побежали мурашки, похожие на липких гусениц.

– Круто ты их развёл, – послышался сзади чей-то низкий голос с хрипотцой – как у подростка, который возомнил себя взрослым мужчиной.

Никита вздрогнул: он не заметил, что в этом странном автобусе появился ещё один пассажир. Это был мальчуган, спасённый от верной гибели. Сейчас незванный попутчик облокотился на кресло кофевара и с наглой ухмылкой надувал огромный розовый пузырь из жевательной резинки.

– Кто ты такой? – Никита отстранился, давая понять, что ему неприятно слышать такое нахальное чавканье.

– Кит, – протянул руку вихрастый мальчишка, но почти сразу отдёргнул, поэтому собеседник не успел ответить на рукопожатие. Никита повёл плечами: не слишком-то и хотелось, тем более этот парнишка выглядел редкостным грубияном и выскочкой. Но то, как он представился, тронуло кофевара. Раньше и его самого называли Китом: родители, первые друзья и даже одна учительница... Но сокращённый ва-

риант имени давно был погребён в пещере пыльного прошлого.

– А как ты попал в этот автобус? – строгим тоном обеспокоенного взрослого спросил Никита.

– Решил свалить, – Кит тоже повёл плечами, и от этого случайного сходства кофевару стало не по себе. «Он меня специально копирует? Зеркалит? Или я просто становлюсь слишком мнительным?»

– А родители не будут тебя искать?

– У меня их нет.

Никакого драматизма, просто обыденная фраза, которая прозвучала как что-то само собой разумеющееся. Может быть, поэтому Никита не испытал к сироте никакого особенного сочувствия.

– А твоя сестра? С ней точно всё будет в порядке?

Кит вытащил изо рта жвачку, скатал шарик и старательно прилепил его к креслу собеседника.

– У меня нет сестры. Я это выдумал.

– В смысле?

Насмешливый вид мальчугана начинал действовать Никите на нервы. И почему в этом огромном автобусе у него только единственный попутчик? И не какая-нибудь Прекрасная Дама из блоковской «Трилогии вочеловечивания», а трудный подросток, с которым совершенно невозможно найти общий язык?

– Зачем ты тогда отравил яблоки у этого хирурга?

– Потому что они меня взбесили.

– Яблоки?

– Ну да. Они слишком крутые.

– Значит, тебя бесит всё слишком крутое?

– Ой, отстань. Терпеть не могу таких надоедливых прилипал, – Кит сел на соседнее кресло и вытянул ноги, положив их прямо на колени попутчику.

– Ноги-то убери!

– Да пошёл ты.

Кит нацепил капюшон, воткнул наушники и включил панк-рок на полную громкость. Никита сбросил с себя дырявые ботинки невоспитанного мальчишки и пересел на другое кресло. Грядущее пугало неизвестностью, но усталость неумолимо одерживала верх в бесконечном поединке за мифическое счастье. Бариста прислонил голову к стеклу, почувствовав, как тяжелеют веки. «Интересно, работает ли теперь мой ловец снов?» – подумалось ему напоследок. Внезапно навалившийся сон выключил шамана из реальности.

Ночь. Улица. Фонарь уже не горит. Старая аптека давно закрылась. Никита возвращается из школы телевидения. Осваивает сценарное мастерство, но преподаватель упорно продолжает видеть в нём ведущего. Внешность вроде как необычная и нос такой же, как у какого-то там актёра. Не

запомнил имя. Только ростом не вышел. Ну ничего, может быть, ещё вытянется, иногда такое случается. Сначала комплексуешь, сравнивая себя с мальчишками-сверстниками, а потом раз – и вытягиваешься. И кто-нибудь робко стоит в сторонке, переминается с ноги на ногу и завидует. Зависть – это вообще непредсказуемое чувство.

Никита, или Кит (так его называли самые близкие люди) медленными шажками протаптывает дорогу в будущее. Наблюдают за незатейливыми движениями жёлтых кроссовок. Останавливается, когда слышит странные звуки.

Голос 1. Этого мало! Давай всё, что есть.

Голос 2 (*сквозь слёзы*). Но я не вру... У меня больше нет денег.

Голос 3. Кажется, твой папочка – обеспеченный мужик.

Голос 1. Слышал, у него свой бизнес.

Голос 4. Реально? Везёт же придуркам.

Голос 2. У меня ничего нет... Пожалуйста, отпустите!

Голос 3. Меня этот мямля уже задолбал.

Голос 1. Давайте его проучим.

Звонкий шлепок. Кто-то со стоном падает на траву.

Голос 4. Держи его за руки, я осмотрю карманы.

Голос 3. Вот сволочь!

Звон падающих монеток. Простёртая рука, которая готовится нанести очередной удар. Чьи-то крепкие пальцы, сжимающие запястье. Никита с силой отодвигает грозное тело в кожаной куртке и даёт пощёчину смазливому палачу. Тот

щурит глаза от возмущённой боли.

Лицо 3. Совсем ку-ку, что ли?

Лицо 1. Э, Кит, чё за дела?

Лицо 4. Откуда ты тут взялся?

Кит. Да так, мимо проходил.

Лицо 3 (*сквозь зубы*). Вот и шёл бы... мимо!

Кит. Вы, парни, не обнаглели? Втроём нападаете на одного!

Лицо 1. А ты мать Тереза, что ли?

Кит. А тут и не надо быть матерью Терезой... И так понятно, что это подлю.

Лицо 4 (*закатывает глаза*).

Лицо 1. Кит, он же обыкновенный ботан.

Кит. Поэтому можно над ним издеваться?

Лицо 3. Ты мне чуть челюсть не сломал!

Кит. Ничего с твоей челюстью не случилось.

Лицо 4 (*замахивается, но поспешно делает вид, что разминает руку*).

Лицо 1. Слушай, можно ещё твой плеер у себя подержать?

Кит. Забирай насовсем.

Лицо 3. Да ладно? А мне? Ну в качестве компенсации?

Лицо 1 (*толкает товарища в бок*). Будем передавать друг другу. Следующая неделя – твоя.

Лицо 4. Пацаны, я тоже в деле.

Звук сталкивающихся в пустоте ладоней.

Кит. Только с условием. Пообещайте, что выполните.

Лицо 1. Да не вопрос.

Лицо 3 и 4 (*кивают*).

Кит. Не приставайте вы больше к нему, ладно?

Приходится пожертвовать новеньким МРЗ-плеером, о котором мечтает половина посёлка. Эх, а там остались любимые песенки Нирваны. Впрочем, всё это ерунда, можно пережить даже потоп, главное – Кит только что спас человека. И теперь этот болтливый ботаник идёт рядом и не умолкает ни на секунду. Никита ощущает на себе влюблённый взгляд: так смотрит на кумира самый преданный фанат.

Фанат. А ты любишь рубиться в игры? Я просто обожаю! Жалко только, что компании нет. Но если бы ты согласился, я бы очень обрадовался!

Кумир. Компьютерные не особо люблю. Но иногда зависаем с друзьями и играем в Dungeons & Dragons.

Фанат. Ого, там столько придумывать надо! У меня бы не получилось.

Кумир. Да ладно, если хочешь, можем попробовать.

Фанат. Правда?

Выражение щенячьей нежности. Киту кажется, что он видит виляющий хвост. Но как сказал Экзюпери: «Мы в ответе за тех, кого приручили». Никита улыбается. Всё-таки этот мальчишка – хороший человек, только пока ещё слишком зависит от чужого мнения.

Когда Кит возвращается домой, его мама, в длинном се-

ребристом платье с широким подолом, играет на скрипке. Интересная и немного странная женщина. Обожает роскошно жить и старается дать сыну всё лучшее: дополнительные курсы английского языка, занятия в школе телевидения, финскую одежду, телефон последней модели. У неё есть собственный магазин косметики, и она привыкла бросать деньги на ветер. Совсем недавно у мамы появилась идея-фикс – научиться играть на скрипке. В конце концов музыке все возрасты покорны. Никита морщится: не слишком приятно слышать ежедневные терзания инструмента. Наверное, поэтому его отец так часто уходит на ночные смены.

Мама. Вернулся? Сейчас подогрею ужин.

Кит. Спасибо, я не голоден. Можешь продолжать играть.

Мама. Шея затекла. Когда тебя покажут по телевизору?

Кит. Не знаю. Мам, я не хочу. Хочу писать сценарии для этих передач, а сверкать перед камерами – это глупо.

Мама. Ничего не глупо! Ты у меня такой красивый!

Кит. Я знаю. И нос у меня, как у... Чёрт, опять забыл имя.

Заходит в комнату. Бросает рюкзак на кресло. Взгляд падает на календарь. Завтрашняя дата обведена красным маркером. И зачем мама это сделала? Не раздеваясь, ложится на кровать. Закрывает глаза и вспоминает довольные и жестокие лица одноклассников, которые втроём избивали беззащитного паренька. Подобные сцены в кино не редкость, но гораздо страшнее увидеть такое вживую. Кит пытается представить себя на месте несчастного мальчика. Наверное,

у него бы не получилось потом так беспечно смеяться. Захотелось бы отомстить, и он бы, как пушкинский Сильвио, шесть лет вынашивал чудовищный план мести. И в конце концов точно бы не пощадил обидчика, как это сделал Сильвио. А иначе всё бессмысленно. SMS-сообщение на экране:

«Выходи во двор. Там сюрприз».

И чего это папе вздумалось поднимать его с кровати и заставлять спускаться с пятого этажа? Если хочешь поговорить, почему нельзя сделать это дома?

Мужчина в полицейской форме широко улыбается и подзывает сына к себе. Кит машет ему рукой и с полминуты пристально смотрит на скутер за спиной отца.

Сын. Привет. Ты купил себе скутер?

Отец (*обнимает сына*). Кит, ну ты чего? Зачем мне скутер? У меня и машина есть, на которой я преступников ловлю. И она бесстрашно лавирует по дорогам с угрожающим и пронзительным криком: «Пиу-пиу-пиу».

Сын (*смеётся*). Как у тебя ещё остаются силы шутить?

Отец. Без чувства юмора мир был бы слишком жутким. А тут и так не парадайз (*смотрит на часы*). Ура. Наконец-то полночь. С днём рождения, сын!

Вот почему мама обвела эту дату в календаре красным маркером! И когда уже Кит перестанет забывать о своём дне рождения?

Отец. Я знаю, ты всю жизнь мечтал о скутере. И теперь тебе 16 – ты можешь делать всё, что захочешь.

Сын. Прямо всё-всё?

Отец. В пределах разумного, конечно.

Осенние листья прилипают к подошвам. Прохладный ветер летучей мышью врывается в распахнутое настежь окно. Кит лежит на кровати и смотрит на загорающиеся звёзды. Бутафория, но всё же приятно, ведь всегда можно домыслить, додумать, создать новый фантастический мир. Кто догадался вырезать их из светобумаги? Отчаянный мечтатель, который раньше жил в этой комнате. Мама махнула рукой и сказала, что это в дедушкином стиле. Интересно, каким он был?

Кит засыпает, и на несколько часов опускается занавес.

Да, скутер – его давняя мечта. Мальчишка с замиранием сердца взбирается на предмет своих грёз и воображает себя книжным героем XX века. Или персонажем кино. Как и большинство подростков, он немного тщеславен. Кит представляет, как будут завидовать сверстники, когда увидят всадника, покорившего скорость. Добирается до школы. Бросает красноречивый взгляд на двух второклассников. Они умолкают и открывают рот. Старшеклассник на скутере пленяет их воображение.

Опаздывает на геометрию. Но сегодня его день рождения, и он чувствует, что ему всё позволено. Садится за свободную парту, смотрит на доску, но даже не пытается вникнуть в тему и ложится на холодный бумажный лист. Ненавидит точные науки. Формулы кажутся ему красивыми, но абсолютно

неживыми.

Новоиспечённый друг. Сходишь со мной кое-куда на большой перемене?

Кит. Куда угодно.

Учитель. Может быть, вы уже помолчите?

Кит (*качает головой*). Говорить нельзя – молчать.

Он думает о том, что человек с самого детства учится великому искусству молчания. А потом всю оставшуюся жизнь боится сказать что-то лишнее. Из-за неумения фильтровать информацию кажется, что лишний – сам звук.

На большой перемене совсем не хочется толпиться в столовой, к тому же вид огромной очереди заглушает чувство голода. Новоиспечённый друг продолжает говорить без умолку. Он восхищается Никитиным скутером и тоже мечтает покататься. Кит неохотно соглашается одолжить его на вечер. Это чувство хорошо знакомо мальчику: ты сильно чего-то хочешь, а у тебя нет возможности получить желаемое прямо сейчас. Они обходят школу и останавливаются за пристройкой. Там идёт ремонт, поэтому пока в этом здании никто не учится.

Кит. Зачем ты меня сюда привёл?

Друг. Надо поговорить.

Кит. Да ладно? А чем мы, по-твоему, занимались до сих пор?

Лицо 1. Ты не понял: это нам надо с тобой поговорить.

Лицо 3. Молодчина, Славка! (*хлопает Славу по плечу*).

Наш чел.

Кит. Ого! Вы-то тут какими судьбами? Мы с вами вчера вроде бы всё обсудили.

Лицо 2. Ты реально такой наивный или притворяешься?

Друг. Мне уже можно идти?

Лицо 3. Стой с нами и учись.

Лицо 1. Стой, мы трусов к себе не принимаем.

Кит (*обводит взглядом нахмуренные лица: он уже не сомневается, что дело идёт к драке*). Ух ты! Да вы сговорились! И ты, Брут?

Друг (*краснеет*). Я...я... пойми меня... С ними – безопаснее.

Кит. Потребность в безопасности находится на второй ступени пирамиды Маслоу. Второй снизу. Так что на одном этом чувстве далеко не уедешь.

Лицо 1. Заткнись, а?

Лицо 2. Заколебал выпендриваться.

Лицо 3. Думаешь, самый умный?

Кит. Нет, не думаю. Я в этом уверен.

Завязывается драка – ещё более ожесточённая, чем день назад. Больше не нужно представлять себя на месте жертвы, потому что Кит сам стал безумцем, попавшим с корабля на бал. Надо обороняться, он же воображал себя пушкинским Сильвио. Отомстить во что бы то ни стало... Головокружение и приторный вкус крови на разбитой губе. «Прямо сейчас... позорное падение».

Незнакомка. Что вы творите?

Лицо 1. Это училка, валим отсюда!

Незнакомка. Нет, уйти вам не удастся. Я требую объяснений.

Лицо 3. Тётянька, вам чего, больше всех надо?

Лицо 2. Сделайте вид, что ничего не было.

Незнакомка (*поворачивается к Славе, который тщетно пытается скрыть дрожь во всём своём тщедушном теле*). Ну а ты? Так и продолжишь молчать?

Друг (*срывается с места и бросается прочь*).

Незнакомка. Ждите встречи в кабинете директора.

Лицо 2 (*берёт в руки телефон*). Пацаны!

Незнакомка. Я что, неясно выражаюсь?

Лицо 1. Чего орёшь, как потерпевший?

Лицо 2. Он спёр скутер!

Лицо 3. Во падла! (*выхватывает телефон*). «**Я знаю, что вы меня обманете. Скутер мой. Я его забрал.**»

Лицо 1. Он издевается?

Незнакомка. Мальчики! То, что вы сейчас делали, это... антигуманно! Разве можно втроём нападать на...

Они уже ничего слышали. Есть ситуации, в которых бессильны любые слова. Старшеклассники срываются с места и пускаются наутёк. Славе теперь точно не поздоровится, если они его найдут. Кит стонет от боли в затылке. Над ним проплывают встревоженные облака, и их соединение в пустоте в конечном счёте приведёт к распаду. Something in the way.

На каком из этих облаков теперь живёт Курт Кобейн? Состояние спутанного сознания. Наверное, у него сотрясение или что-то вроде того. Лицо склонившейся над ним женщины кажется произведением искусства. Длинное белое платье из-под расстёгнутого пальто. Мелкие кудряшки каштановых волос. Очаровательная улыбка. Вселенная становится обителью чистого вдохновения. Гигантский земной шар сжимается до точки в конце повествовательного предложения. Утопающий хватается за соломинку и неожиданно выкарабкивается. Кит цепляется за протянутую руку незнакомки.

Кит. Не подскажите, сколько сейчас времени?

Незнакомка. Полпервого. А это для тебя так важно?

Кит. Не то чтобы. Просто, кажется, я прогулял урок литературы.

Незнакомка. Если тебя это утешит, мы с тобой вместе прогуляли один и тот же урок.

Кит. Вы и есть та самая новая учительница?

Незнакомка. Вроде того. Но мой педагогический талант только что потерпел сокрушительное поражение в схватке с обычными подростками (*смеётся*).

Кит. Не беспокойтесь. Они необучаемые.

Незнакомка. Но учитель не может так думать.

Кит встаёт на ноги, пошатывается, но всё-таки держит равновесие. Он видит на воротнике незнакомки значок с портретом И. Бродского.

Кит. Прикольный дядька.

Незнакомка (*улыбается*). А то! И стихи у него тоже, кстати, прикольные. Послушай только:

*Но пока мне рот не забили глиной,
из него раздаваться будет лишь благодарность*².

Кит. Мне всё равно этого не понять. Когда надо мной издеваются, я тоже должен испытывать благодарность? И христианство это я не понимаю. Не собираюсь я любить своего врага.

Незнакомка. Это дар всепрощения, и он открывается не каждому и не всегда...

Кит. Нет-нет-нет, это всё ерунда. Вот вы сами когда-нибудь кого-то ненавидели?

Незнакомка. Да.

Кит. И что, удалось потом резко полюбить этого человека?

Незнакомка. Нет, но я учусь.

Кит. Вы классная.

Незнакомка. Спасибо. Кстати, я Татьяна Васильевна. А тебя как зовут? (*протягивает руку*).

Кит (*отвечает на рукопожатие*). Очень приятно. Сильвио.

Татьяна Васильевна. Это шутка?

Кит. Ага. В списке учеников вы найдёте Никиту Сенина. Это я. Но мне больше нравится, когда меня называют Китом.

Татьяна Васильевна. Я запомню.

² И.А. Бродский. Я входил вместо дикого зверя в клетку...

Они возвращаются в школу. Никита идёт в медпункт, и врач отпускает его домой. Поздравляет с днём рождения (*в документах увидела*). Замечательное начало шестнадцатилетней юности. Он вспоминает о подаренном скутере и не находит его у школы.

Кит сжимает кулаки и клянётся отомстить *другу*. Ещё никто не забивал ему глиной рот, а в его растоптанном сердце уже не осталось ни крупицы благодарности.

Пропущенные звонки от отца. Позвонил десять раз? Это совсем на него не похоже, неприятная дрожь крысой пробегает по телу. Может быть, что-то случилось? Дрожащие пальцы касаются клавиш (*Боже, почему они так пищат?*). Длинные гудки – никто не берёт трубку. Никита хватается рюкзака и бежит прочь. Его уже не волнует ни пропавший скутер, ни отложенная до лучших времён месть. Тяжёлое предчувствие царапает горло и убивает наповал ослабевших мотыльков внизу живота. Несколько раз спотыкается. Влетает в распахнутую настежь дверь... Неужели это его квартира?.. Мама сидит на полу, обхватив голову, и безмолвно рыдает. Никита падает на колени и пытается отдышаться. Хочет задать вопрос, но не может: где-то по дороге рассыпал слова. Наверное, карманы дырявые...

Мама. Отец...

Кит (*открывает рот и жадно ловит губами воздух*).

Мама. Он... (*рыдает, закрывая лицо руками*).

Кит. Как?

Мама. Он не виноват... Он правда не виноват... Но что нам теперь делать? Его отстранят от работы.

Кит *(невольная улыбка освещает его бледно-зелёное лицо. Тошнота подступает к горлу, и он бежит в туалет).*

Мама. Извини... Всё это произошло в твой день рождения...

Кит *(возвращается, вытирая рот рукавом тёплой толстовки).* Так папа жив? Всё хорошо?

Мама *(зачем-то крестится).* Боже мой, ну конечно! Как ты мог подумать?

Кит. Что же тогда случилось?

Мама. Он ехал на машине и... сбил мальчика. Насмерть.

Кит. Что? Папа кого-то сбил? Как это вообще возможно?

Мама. Он говорит, что мальчик ехал на красный. Внезапно появился перед машиной.

Кит. Тогда почему его должны отстранить из-за какого-то самоубийцы?

Мама. Нет доказательств. Точнее, водитель другой машины дал ложные показания.

Кит. В каком смысле? Почему?

Мама. Я не знаю. Но я верю твоему отцу.

Кит. Он бы никогда не соврал о таком...

Мама. С момента нашего знакомства твой отец соврал всего один единственный раз. Сказал вахтёру в общежитии, что он мой брат и должен передать очень важные вещи от мамы. Пришёл с таким огромным чемоданом! Якобы я сама

донести не смогу, поэтому ему надо подняться. А потом мы заперлись в комнате и всю ночь смотрели фильмы ужасов.

Кит (*закатывает глаза: он слышал эту историю около пятидесяти раз – не меньше – и никогда не верил, что его отец обманом проник в мамину комнату, чтобы смотреть фильмы ужасов*). Да знаю я, ма. Он никогда не врёт.

Напряжённое ожидание, отдалённые голоса с лестничной площадки, приглушённый собачий лай, а в ванной комнате протекает кран... Двое молчат, не решаясь сдвинуться с места и разойтись по комнатам. Мать крепко сжимает руку сына, видит его разбитую губу и пятна на одежде, но ничего не спрашивает. Они слышат знакомые шаги – медленные и тяжёлые. Мама вскакивает с места...

Отец (*бросается к сыну*). Я так испугался! Я думал, что это... что это... (*голос прерывается; Кит никогда не видел отца таким... слабым*).

Кит. Со мной всё в порядке, папа. Как ты?

Отец. Но это ведь был тот самый скутер... Как он вообще оказался у этого мальчика? Зачем ты разрешил ему?

Кит. Мой скутер? Значит, ты говоришь, что тот мальчик... (*снова задыхается: в этой тесной квартире нечем дышать*).

Отец. Так ты не знал? Он вообще не умел водить... Он не смог затормозить, а я не успел его заметить... (*говорит медленно и несвязно; стеклянный взгляд устремлён в потолок; почти не моргает*).

Кит. Он умер... Слава умер... Как же так? Я сам должен был ему отомстить! Как же так... (*чувствует головокружение. Снова тошнит, но уже нет сил бежать в туалет. Кажется, у него всё-таки сотрясение мозга*).

Отец. Он поехал на красный... Я не успел его заметить... Он так внезапно появился... Он не должен был умирать...

Кит. Слава умер... Это неправильно! Я должен был отомстить... Что же теперь делать? Он просто умер и не дождался моей мести...

Отец. Зачем я вообще купил этот скутер... Если бы я не купил его, ничего бы не случилось... А если бы на месте этого парня был Кит? Если бы Кит...

Кит. Нужно было догнать. Нужно было вернуть скутер. Если бы я смог защитить себя, ничего бы не произошло... Я должен был оказаться на его месте.

Отец. Если бы вдруг Кит...

Кит. Если бы я...

Занавес опускается. На чёрном экране – белые буквы, которые никто никогда не читает.

Никита очнулся, но не сразу понял, где находится. Почувствовал лёгкое головокружение: кажется, его немного укачало. К тому же из-за неудобной позы во время сна пришлось расплачиваться затёкшей шеей и болью в верхней ча-

сти спины. Да, Никита всё ещё в автобусе, и раз он только что проснулся, значит, это путешествие – настоящее. Бариста привстал, чтобы немного размяться, и с сожалением подумал о чашечке американо. Как жаль, что его кофейня была теперь слишком далеко, а может быть, и вообще осталась в другой вселенной. Вернётся ли он туда когда-нибудь? Под кроссовкой что-то угрожающе хрустнуло, и Никита с ужасом увидел окончательно сломанные часы, которые он несколько лет носил на цепочке. Да, они всё равно давно не ходили, и никакие новые батарейки тут не помогали, но Никите эти часы были особенно дороги. Как они могли разбиться и что случилось с цепочкой?

– Давай вечером с тобой встретимся, будем опиум курить-рить-рить, – чей-то неприятный визгливый голос вывел его из оцепенения. Никита вырвал из ушей нахального мальчика наушники.

– Не мал ещё такие песни распевать? – он задыхался, его лицо побагровело. Хотелось ударить маленького вредителя, который повесил себе на шею Никитину цепочку. И как они могут быть тёзками? Нет, Никита никогда не был таким же наглым и одновременно невозмутимым. С подобными равнодушными лицами и совершаются самые страшные преступления на земле.

– Чего тебе? – процедил сквозь зубы Кит. Он помрачнел, и даже веснушки казались тёмными, как будто их кто-то покрасил ради шутки. Его и без того маленькие глаза преврати-

лись в две злобные щёлочки, и от этого дьявольского взгляда кому угодно стало бы не по себе. Никита отстранился и отступил шага на два-три, потому что близость с маленьким монстром во плоти сводила его с ума.

– Зачем ты взял мою цепочку? – тихим охрипшим голосом спросил Никита. На лбу выступила испарина, а в висках раздавался оглушительный бой невидимого барабанщика. Бариста понял, что ещё чуть-чуть – и он упадёт в обморок.

– Понравилась, – развёл руками Кит. Аргумент звучал весьма убедительно; создавалось впечатление, что этот мальчишка присваивал все понравившиеся ему вещи.

– Но это мои часы. Нельзя брать чужое без спросу! Несчастный кофевар с красным лицом сжал кулаки.

– Ну и что? Я же взял только цепочку. Часы вот мне не нужны. Они всё равно не ходят. А цепочка ничего такая.

Никита посмотрел на разбитый циферблат и застонал. Он вдруг понял, что вместе с этими часами сломалось что-то и в нём самом, и это невозможно починить – придётся выбрасывать на помойку.

– Ну хочешь, забирай обратно свою цепочку, – смильстился мальчишка, только я всё равно её потом возьму. У меня руки сами тянутся к чужим вещам. Короче, я клептоман, – и с этим чистосердечным признанием Кит снял с шеи золотую цепочку.

– Оставь себе, – Никита пересел на заднее сиденье, по-

дальше от наглого пассажира. Какой смысл в этой дурацкой цепочке, если часы сломаны? Может быть, вся его жизнь теперь тоже сломана, потому что он не сдержал обещания.

После автомобильной аварии отца всё-таки признали невиновным. Нашлись свидетели, которые подтвердили, что подросток сам резко выехал на дорогу, когда зажёгся красный свет. Каждый мог оказаться на месте водителя, поэтому полицейского не отстранили от работы. Правда, родители погибшего называли всю эту историю «нелепой выдумкой» и кидали в почтовый ящик Сениных письма с оскорбительными комментариями. Иногда Кит опережал отца и, не вскрывая конверта, сжигал, но это получалось не всегда. Мысль о мести больше не вызывала у мальчика прежнего восхищения. К тому же Сильвио всё-таки не убил того графа, а родители его однодневного друга в конце концов разрушили жизнь слишком совестливого полицейского. Но ведь это не помогло им вернуть сына? Зачем же тогда уничтожать другого человека?

Через два месяца отец уволился, сказал матери, что с него хватит и он больше не может подвергать опасности жизнь других людей. В ту минуту Кит не понял его слова; не понимал он и бесконечные жалобы отца на несмыслимую кровь на руках. Кумир его юности, самый сильный человек на земле, герой, который соврал лишь один раз в жизни, начал пить — коньяк, виски, водку. Выбирал только самые крепкие напитки и доводил себя до беспамятства. Но наутро воспоминания

возвращались, приходилось идти в магазин за очередной бутылкой и ставить опостылевшую жизнь на бесконечный повтор. Мать плакала каждый день, хотя и продолжала выполнять привычные действия на автомате: готовила еду, продавала косметику в магазине и даже иногда играла на скрипке. Но сама она перестала надевать красивую одежду, которую так любила раньше, слегка подкрашивала тушью ресницы и почти сразу смывала. Какой в этом смысл, если всё равно не могла подавить слёзы, вновь и вновь выступавшие на воспалённых глазах?

Кит всё чаще не ночевал дома; он искал случайных друзей и пропадал на вечеринках, где почти всегда чувствовал себя лишним. Не таким, как другие, но мечтал стать одним из них. А потом – тошнотворный запах хлорки, грязные однотонные стены, старая скрипучая кровать и безжизненный скелет под капельницей. И этот скелет – его отец с пустым равнодушным взглядом.

Задавленное нейролептиками сознание отрицало убогую действительность. Он почти не разговаривал и только однажды сам позвал к себе сына. Этот диалог звучал в голове Никиты так же отчётливо, как если бы он состоялся вчера.

– Они мне дороги. Поможешь их сохранить? – высохшие пальцы коснулись руки Кита, и через мгновение в его ладонях появились старые часы на золотой цепочке.

– Все мои счастливые моменты – вот тут, – отец по-

стучал по циферблату. Стрелки застыли в таинственном и печальном безмолвии.

– Я сохранию их, – Кит повесил цепочку на шею.

– Обещаешь? – голосом капризного ребёнка спросил отец.

– Конечно.

– Моя бабушка подарила мне их в день своей смерти. Она была настоящей волшебницей. Помню, как улыбалась тогда... будто ничего не произойдёт... и сказала, что всё её волшебство – в этих часах.

– И тогда ты спросил её, умеет ли она останавливать время, – продолжил Кит, который уже не раз слышал эту историю.

Отец улыбнулся.

– Да, и она ответила, что может.

– И ты попросил, чтобы она сделала это прямо сейчас.

Отец кивнул. Подушка, на которой он лежал, вымокла от беззвучных слёз. А за окном притаившийся дождь готовился опуститься на спящий город.

– Прабабушка остановила часы и...

– Всё равно умерла.

– И с тех пор эти часы перестали ходить, хотя ты менял батарейку и даже носил их в ремонт.

– Это значит, что она остановила мгновение.

– Я их обязательно сохранию. До конца своих дней.

Никита уткнулся носом в рюкзак незнакомки, которая подарила ему счастливый билет. Музыка затихла, и совсем не

хотелось, чтобы этот наглый мальчуган слышал, как он хлюпает носом.

Автобус остановился, и металлический голос настоятельно рекомендовал выйти наружу. Никита уже не сомневался, что стал участником странной игры, но ему больше не хотелось подчиняться правилам. Он собирался остаться на месте, когда услышал:

Остановка Медовый раф.

– Эй, ну ты чего? Здесь нельзя находиться во время остановок. Пошли, – Кит метнулся в сторону выхода.

– Не хочу, – Никита отвернулся, чтобы не видеть это худое насмешливое лицо и острый подбородок, который всегда двигался в такт грубым репликам своего хозяина.

– Ну ладно, – махнул рукой Кит.

В эту секунду Никита почувствовал, что поднимается в воздух и больше не может управлять собственным телом. Казалось, чья-то крепкая невидимая рука против воли вышвырнула его за дверь.

Медовый раф

Кто не знает, куда плывёт, тому нет попутного ветра.

Сенека

Знакомо ли вам это удивительное чувство, когда вы не можете управлять собственным телом? И речь идёт даже не о сновидениях (область весьма интересная и малоизученная), а о вполне реальной жизни. Кажется, Никита уже убедился, что всё происходящее – это пугающая действительность, а неопределённость собственного будущего угнетала и тревожила ещё сильнее. Кто придумывает этот сюжет, чем закончится история и как из неё выйти? Бариста понял, что наконец-то приземлился, и воздал хвалу закону всемирного тяготения.

Он лежал на спине, не в состоянии пошевелиться, и был уверен, что невидимая сила не только выбросила его тщедушное тело из автобуса, но и слегка покалечила. Никита поднял глаза к небу и увидел бездонное пространство, в котором такой песчинке, как он, следовало бы раствориться. Спокойные кучерявые облака, как сонные ангелы, медленно кружились в вальсе, выдумывая на ходу причудливые движения и сочиняя собственную музыку. Их горделивые силуэты пропадали в малиновой дымке, и на незнакомый город опуска-

кался закат. Он говорил с божьими посланниками вкрадчивым шёпотом, и сколько бы Никита ни прислушивался – не уловил ни слова. Да и мог ли он знать этот таинственный язык? Если подумать, бариста в последние годы совершенно безрадостной, однообразной жизни не находил ни минуты, чтобы взглянуть на это бесконечное высокое небо. Может быть, поэтому он давно стал принимать как данность самую дисгармоничность мира, привыкнув к озлобленным лицам и нахальному обману вокруг.

Никита приподнялся на локтях и ощутил сильную боль в спине. Пришлось смириться с временными неудобствами, чтобы немного оглядеться. Как же называется это место? Вроде бы Медовый раф? Никите казалось, что он задыхается: настолько сильным и терпким был запах мёда. «Так... Я что, в Шотландии?» – невольно подумал он, когда увидел огромное вересковое поле, посреди которого растянулось его маленькое тело. Конечно, ему всегда хотелось побывать за границей, особенно в Шотландии, фантастическом мире клетчатых килтов и шерстяных пледов. Он мечтал однажды вдохнуть полной грудью вересковый аромат. Но сейчас немного кружилась голова, и поэтому хотелось лечь в мягкую постель и поспать в тишине несколько часов. Он сорвал пару веточек, потому что вспомнил о магических свойствах вереска. Если положить его в кошелек, то это увеличит твой доход, а если в карман – тебе будет сопутствовать удача во всех делах.

Никита попытался найти кошелек в рюкзаке, но поиски оказались безуспешными: неужели оставил в кофейне? Именно поэтому пришлось класть новоиспечённый оберег в карман брюк.

Из вереска напиток

Забыв давным-давно.

А был он слаще мёда,

Пьянее, чем вино³.

Никита вспомнил балладу, которая произвела на него сильное впечатление в детстве. Когда прочёл впервые, не запомнил ни названия, ни автора. Побегал в библиотеку с горящими глазами и охрипшим от волнения голосом:

– Пожалуйста, найдите книжку!.. (*и взор являл живую муку⁴*). – Там было что-то про вереск... И ещё такая жёлтая обложка...

Кстати сказать, нашли, и мальчик долго потом рыдал по ночам, вспоминая трагический конец этой истории. Так неужели его давняя мечта исполнилась и он на самом деле в Шотландии?..

– Да не в Шотландии ты, можешь успокоиться, – послышался приятный низкий голос. Никита терпеть не мог визгливые нотки или громкие выкрики. А вот такой голос, как у незнакомки, сразу располагал к себе: казалось, тебя понимают.

³ Р.Л. Стивенсон. Вересковый мёд.

⁴ М.Ю. Лермонтов. Нищий.

Он обернулся, чтобы увидеть лицо девушки, которая прочитала его мысли и жестоко разрушила слабые надежды. *Бледная кожа и ярко-красный шрам в виде зигзага на левой щеке.*

– Такая красивая, – случайно выпалил вслух.

Она улыбнулась, обнажив ровный ряд белых зубов, и Никита поймал себя на мысли, что ни разу в жизни не встречал людей с такими тонкими губами. Говорят, это сдержанные и немного замкнутые натуры, но незнакомка не казалась закрытой.

– Надеюсь, ты о Шотландии, – она села рядом, обняв колени в рваных лиловых джинсах. Никита подумал, что перед ним – настоящее дитя вереска: вязаная кофточка с крупными сиреневыми пуговицами, бордовые кроссовки и малиновые волосы...

– Что это за место? – Никита бессознательно отзеркалил позу девушки. «Она меня младше, это точно. Наверное, ей около шестнадцати», – он продолжал изучать её лицо.

Незнакомка пожала плечами и поёжилась от резкого порыва прохладного ветра. Казалось, он заранее готовил нападение на её лиловые кудряшки, мечтал их запутать и как следует растрепать.

– Официальное название – Медовый раф, но кто знает...

– Но это же абсурд! Как место может так называться?

– В мире вообще всё возможно, – она достала из сумки видеокамеру. Осколок смущённого солнца скрылся под за-

щитным панцирем тяжёлой тучи, и небо замерло, оставшись в одиночестве. Девушка хотела сохранить мгновение вечности – хотя бы её искажённую копию, ведь память тоже несовершенна.

– Лучшее изобретение человечества, – незнакомка снова улыбнулась. Лёгкие морщинки затанцевали в уголках её глаз, точно их красивая хозяйка разгадала секрет абсолютно-го счастья. Наблюдая за этими аритмичными танцами, Никита улыбнулся в ответ. Однако улыбка не успела задержаться на его губах: он несколько раз громко чихнул. Девушка не смогла подавить смех, но собеседник даже не обиделся.

– Кажется, пора где-нибудь погреться. Пойдём пить эль? Наверное, сейчас Никита не отказался бы от горячего американо, но так не хотелось расставаться с незнакомкой, что пришлось согласиться на эль.

– Хорошая идея! Вот только... тебе точно можно пить алкогольные напитки? – бариста с недоверием посмотрел на юную собеседницу.

Она махнула рукой, и в её серо-зелёных глазах заплясали весёлые бесенята.

– Остался какой-то месяц до 18, – она вскочила с места и схватила Никиту за руку. – Ну что, готов к приключениям, Кит?

– Откуда ты...

Девушка приложила палец к губам.

– Ничего не спрашивай. Ты ещё многому удивишься.

Кстати, меня зовут Мира.

– Красивое имя, – заметил Никита. Он наконец-то поднялся и тут же замер, почувствовав, как затекли ноги.

– Твоё тоже просто космос! – девушка подняла большой палец в знак одобрения.

Свежий ветер танцевал в её ярких волосах, и Никита не мог не любоваться сияющей улыбкой на тонких линиях губ и шаловливыми огоньками в широко распахнутых глазах. Эта девочка-подросток напоминала ему о мечтах, оставленных в пыльных ящиках памяти, и надеждах на пойманное в сачок счастье. Тогда он даже представить себе не мог, насколько оно неуловимо.

Мира казалась ему прародительницей невесомой красоты; никогда прежде Никита не видел таких безупречных лиц – разве что в музеях. Даже зигзагообразный шрам на левой щеке не портил её лицо, а делал уникальным и незабываемым. Никита мог закрыть глаза и воссоздать эти тонкие аристократические черты, точно выучил их наизусть, как стихотворение. Но открывал и понимал, насколько несовершенной бывает человеческая память, с удивительным мастерством искажающая всё идеальное. Мира улыбалась – и даже продрогший уставший странник смог бы согреться, а собственный закат показался бы ему далёким и неправдоподобным. Она улыбалась – и в ненастную погоду появлялись первые лучи солнца, чтобы осветить лицо какого-нибудь измученного страдальца.

Мира не шла – летела, и Никита едва поспевал за ней, удивляясь неустойчивой энергии, которой не хватало ему самому. В эту минуту он подумал, что готов остаться здесь навсегда: рухнуть в объятия вереска, держать за руку смеющуюся девушку и слушать шотландские мелодии.

– Атмосферно, правда? – поинтересовалась она, когда музыка затихла.

Никита кивнул.

– Теперь мне ещё больше кажется, что я в Шотландии.

– И всё-таки ты ошибаешься. Может, это одна из копий той самой страны, о которой ты мечтаешь?

– Одна из копий? – переспросил бариста. Он чувствовал, что всё больше путается, не в силах понять, где проходит грань между сном и реальностью.

– Знаешь, если снимать жизнь на камеру, это вроде бы будет та же самая жизнь и в то же время что-то совсем другое, – попыталась объяснить девушка.

Они подошли к хижине, и Мира остановилась, чтобы спрятать видеокамеру в чехол. Зигзаг на щеке блеснул в лучах засыпающего солнца. Никита не удержался от вопроса, хотя и знал, что может показаться невежливым. Впрочем, девушка наверняка была выше предрассудков и прочих глупостей.

– Откуда у тебя этот шрам?

Молчание длилось почти полминуты, и всё это время Мира не поворачивала лица. Наконец она улыбнулась, с под-

чёркнутом равнодушием махнула рукой и ответила совершенно бесцветным тоном:

– Да так... Пострадала в честном поединке с одним вороном.

Никита в очередной раз ничего не понял, но уточнять не решился, к тому же дверь в хижину с неожиданным скрипом отворилась.

На пороге стояла красивая женщина в светло-зелёном плаще с оборванными пуговицами. Её волосы были заплетены в косу, но она совершенно не держалась: седые пряди растрепались и падали на глаза. Женщина убрала их за уши, растерянно взглянула на гостей и улыбнулась. Правда, её улыбка вышла немного неуклюжей, как у провинившегося ребёнка. Незнакомка вообще напоминала сбежавшего из дома подростка и, если бы не седые волосы, Никита принял бы её за старшую сестру Миры.

– Привет, Дарина. А это он, – она слегка толкнула в бок опешившего кофевара. – Дождалась-таки, прямо как Ассоль, – Мира подмигнула женщине, а Никита невольно отпрянул, не пожав протянутую руку.

– Кажется, он немного испуган, – справедливо заметила женщина. – Его срочно нужно покормить.

В подтверждение этих слов живот гостя издал ворчливое урчание.

Дарина ни разу не появилась на кухне, пока они ели горячие лепёшки и пили тёплое молоко. Никита только сейчас

понял, как сильно проголодался за время странного путешествия. Он пожалел только о том, что божественный нектар нельзя забрать с собой в кофейню. Да это же настоящая находка для бариста! Впрочем, теперь уже неизвестно, сможет ли он вообще когда-нибудь вернуться.

– Дарина – это твоя мама или сестра? – спросил Никита, не сумев подавить приятный зевок после простого, но сытного обеда.

– Никто, – с набитым ртом ответила Мира. – Вижу, что ты совсем ничего не понимаешь. Забей, Кит. Здесь всё не совсем настоящее. Не знаю, как правильно объяснить. Тут всё устроено не так, как в вашем мире.

«Значит, я точно в параллельной вселенной», – подумал Никита, но вслух ничего не сказал.

– Если ты наелся, тогда пойдём.

Комната Миры была маленькой и немного тесной, но вполне уютной. Никита подумал, что всё здесь выглядит немного аскетично: старая кровать на пружинах и деревянный письменный стол. Минимум мебели и вещей. Она положила камеру в ящик и рухнула на табурет, который угрожающе хрустнул, но хозяйка не обратила на эту угрозу никакого внимания.

– Знаешь, у меня была точно такая же камера, – Никита сел на краешек кровати. – Мне её дед подарил. Он был оператором или кем-то в этом роде. Просто я сам его ни разу не видел.

Мира кивнула и приняла такой скучающий вид, точно не в первый раз слышала эту историю.

– Жаль только, что в прошедшем времени.

– Ага. Я её продал и завязал со всем этим. Понял, что никогда не смогу стать хорошим сценаристом. А ты? Зачем тебе видеокамера?

– Так же, как и тебе – снимать всё самое интересное, а потом просматривать записи и придумывать сюжеты.

Над столом Миры висела магнитная доска, и Никита заметил, что разноцветные стикеры на ней были расположены в строгом порядке по диагонали.

– Я тоже снимал всё, что понравится, а потом сочинял истории для фильмов, – приглушённым тоном сказал Никита.

– Но в отличие от тебя, я всё ещё хочу этим заниматься, – лицо Миры впервые за всё время их знакомства стало по-настоящему серьёзным; она вытянулась во весь рост и откинула волосы. Её глаза блеснули, и Никита понял, что эта девушка обязательно добьётся своего.

Он подошёл к магнитной доске – когда-то ему нравилось записывать обрывки случайных мыслей на стикерах.

Кадр № 1. Восход круглолицего солнца, похожего на ту самую тарелку, в которой заваривается каша-минутка. *5 сек. Общий план.*

Кадр № 2. Смятое одеяло-кокон. Небрежно брошенный на край телефон, посылающий уведомления о закончившемся заряде батареи. *3 сек. Деталь в кадре.*

Кадр № 3. Человек в полный рост с зубной щеткой в руке под шум свистящей холодной воды. *4 сек. Средний план.*

Кадр № 4. Нервная фигура прокликает неработающий лифт и пинает ступеньки в подъезде. *5 сек. Средний план.*

Кадр № 5. Метель, увязающие в сугробах ноги, растекающаяся тушь, неприятное чувство, как будто что-то ледяное, случайно попавшее в сапог, покусывает промокшие ноги. Морщинка на переносице. *5 сек. Общий план.*

Кадр № 6. Лицо с дергающимся веком. На кофе из автомата не хватает злосчастного рубля. *3 сек. Крупный план.*

Кадр № 7. Очередь в супермаркете. Остатки нервных клеток грозятся выпрыгнуть наружу. Сама Вселенная готова взять реванш, чтобы переписать сценарий набело. Зачем эти вынужденные соприкосновения и обмен любезностями? *Минута. Титры.*

– Это же забавно – снять фильм о той жизни, которую мы проживаем ежедневно, – рассмеялась Мира. – Да, это будет очень скучная короткометражка. Но ведь что-то в этом есть?

Никита покачал головой.

– Возможно. Когда-то у меня была такая же идея.

– Что же изменилось?

Никита облизал сухие губы, налил в стакан немного воды и жадными глотками допил до дна. Это тот самый вопрос, который он избегал задавать самому себе. Да, действительно, изменилось многое, но всё же остался жалкий комочек боли под сердцем. Сможет ли Никита приручить его и жить так,

как будто у него никогда не было мечты?

Он не знал, что ответить, бросил беспомощный взгляд на книжный стеллаж и вдруг заметил томик Иосифа Бродского. У Никиты была точно такая же книга, которую однажды подарила ему Татьяна Васильевна – учительница литературы, классный руководитель и лучший друг. Он подошёл к стеллажу и, не спросив разрешения, достал книгу, стёр слой пыли на обложке и открыл страницу с загнутым уголком. Мира продолжала внимательно наблюдать за гостем, но не говорила ни слова.

И пока мне рот не забили глиной,

Из него раздаваться будет лишь благодарность⁵, – прочитал вслух Никита. – Почему именно это стихотворение?

Мира пожала плечами.

– Мне кажется, я не смогу ответить на этот вопрос. Знаешь, не я его выбрала. Это само стихотворение выбирает человека и требует поставить закладку или загнуть уголок...

– Загибать уголки – кощунственно, – прервал её Никита.

– Но ты делал то же самое... Разве нет?

Казалось, эти глаза, меняющие цвет в зависимости от освещения, видят собеседника насквозь. Нужно ли что-то говорить тому, кто умеет читать мысли?

– Впервые я услышал эти строчки от учительницы литературы. Она действительно вела у нас уроки, но на самом деле была не совсем учителем... Мы называли её Музой.

⁵ И.А. Бродский. Я входил вместо дикого зверя в клетку.

– Вау, кажется, вам очень повезло. В школе иногда напроць отбивают интерес к литературе, – заметила Мира.

Она принялась тщательно расчёсывать малиновые волосы, а затем достала помаду и накрасила губы.

– Ты куда-то собираешься? – Никита растерянно наблюдал за её быстрыми, как будто отрепетированными движениями. Он всё ещё держал в руках томик Бродского и недоумевал, как его книга могла попасть в абсолютно другую вселенную к незнакомой девчонке-подростку. Под загнутым уголком Никита увидел след от карандаша и вспомнил, что эту случайную пометку сделал он сам. Хотел стереть, но не нашёл ластика, и в конце концов совершенно забыл об этом. Даже если Мира заинтересовалась тем же самым стихотворением, как она могла сделать точно такую же пометку? И если эта девушка солгала, что теперь казалось ему очевидным, как он может ей доверять?

– Ладно, это твоя книга. Вот только не задавай никаких вопросов, хорошо? – в очередной раз прочитала его мысли Мира.

Никита понял, что попытки отыскать логические объяснения происходящему обречены на провал, и решил больше ничему не удивляться.

– А теперь мы идём пить эль вместе с моими друзьями, – она взяла камеру и рюкзак и резким движением руки распахнула дверь. Никита хотел было заметить, что это может быть не очень удобно, ведь он совершенно никого не зна-

ет, но прикусил язык. Недавний опыт подсказывал, что с Мирой совершенно бесполезно спорить, к тому же здесь, в этом неизведанном пространстве, у девушки явные преимущества: она владела ключами ко многим тайнам.

Странствующему кофевару показалось, что они зашли в такую же хижину, вот только кухня и комната поменялись местами. На угловом диване сидела длинноволосая девушка в широком разноцветном сарафане. Она настраивала скрипку и будто не замечала ни Миру, ни незнакомца. Спутница шепнула Никите, что Линда вообще ничего не видит вокруг, когда вот так чем-нибудь увлекается. Бариста отлично знал таких людей, как она: если ты отдал сердце искусству, будь готов к абсолютному самопожертвованию и самоотдаче. Когда-то Никита дружил со скрипачкой, и музыка заменяла ей всё: любовь, счастье... жизнь. Говорят, что каждому из нас нужен свой человек, но порой скрипка никому не уступает места. Возможно ли представить более крепкий союз, построенный на основах невинной преданности?

Девушка отложила инструмент, подняла голову, принуждённо улыбнулась и протянула незнакомцу руку.

– Приятно познакомиться, Линда.

Никита ответил на рукопожатие: кожа скрипачки казалась сотканной из кубиков льда.

Они зашли в комнату, которая гораздо больше напоминала подвал: здесь было сыро и холодно. Морозный ветер врывался в распахнутое настежь окно и поднимал скомканные

бумажки. Они шелестели друг с другом о чём-то неотвратимом, неумело вальсировали и вновь засыпали у босых ног измученного поэта. Мира сказала, что у Макса сейчас тяжёлый период: идеи не находят словесной плоти, а случайные строчки теряют рифмы, едва успевая коснуться клетчатых страниц. Несчастный творец отложил блокнот, прислонился к стене и закрыл глаза. Никита подумал, что он похож на мечтательную девушку: длинные иссиня-чёрные волосы усиливали это сходство. Но рваная полосатая кофта и тяжёлая цепь на шее с египетским крестом говорили о натуре бунтаря, который скрывался за этой хрупкой оболочкой.

– Макс – поэт, и он никогда не расстанется с записной книжкой, – нарочито громко сказала Мира, чтобы привлечь его внимание. Поэт открыл глаза, обхватил себя, скрестив руки, и принялся поглаживать татуированные предплечья большими пальцами. Он оценивающе посмотрел на новичка. Какое впечатление произвёл обыкновенный бариста на страдающую творческую личность? Этого Никита не знал, но, скорее всего, его приняли в клуб мечтателей-одиночек.

– К сожалению, в последнее время передо мной только чистый лист, – послышался неожиданный бас. Сложно было поверить, что этот суровый тон принадлежал бледному юноше с горящим взглядом.

Мира рухнула на матрас рядом с поэтом и взяла в руки бутылку обещанного эля.

– А где Игнат? – поинтересовалась она. И не успел Макс

ответить, как в комнату влетел большеглазый мальчишка с взлохмаченными волосами. По всей видимости, он уже долгое время не причёсывался, а судя по фиолетовым синякам под глазами, давно забыл, что такое здоровый сон. Игнат держал в руках игровой системный блок, который только что приобрёл, и теперь пытался отдышаться после утомительной и долгой дороги.

– Вау, у нас тут гости! – воскликнул приятель Миры, поставил блок на пол, достал из кармана очешник и надел очки, после чего всё в его внешности как будто встало на свои места и уже не казалось таким удивительным и странным.

– Это Никита. Мой друг, – Мира сделала акцент на слове «мой», а бариста покраснел от неожиданности и споткнулся на ровном месте. В конце концов они с Мирой знакомы всего пару часов, а она уже называет его другом.

Игнат всё это время переминался с ноги на ногу, то закатывая, то раскатывая рукава клетчатой рубахи.

– Супер. Извини, Кит, мне срочно надо кое с чем разобратся, – он выдавил из себя быструю неуклюжую улыбку и кинулся к компьютеру.

«Похоже, они уже все в курсе, кто я такой», – подумал Никита. Детское сокращение от его имени, разумеется, не осталось незамеченным. Мира просила не задавать лишних вопросов и ничему не удивляться, но от всех этих странностей и загадок голова шла кругом, и хотелось привести в порядок разбросанные по углам мысли.

– Игнат мечтает разрабатывать компьютерные игры, – Мира разливала эль по стаканам. – А Никита *мечтал* стать сценаристом.

Ребята переглянулись, и в комнате воцарилась тишина. Игнат втянул голову в плечи, а его пальцы замерли на клавиатуре. Блокнот выпал из рук Макса, который нарочито громко откашлялся, а взволнованная Линда застыла в дверях с поднятым кверху смычком. Никита заметил, что она кусала сжатые в тонкую линию губы.

Мира одёрнула кофту, вытерла вспотевшие ладони о джинсы и неестественно рассмеялась, чтобы оглушить неприятную тишину, но её друзья продолжали молчать и напряжённо переглядываться.

– Что-то не так? – спросил Никита после нескольких глотков холодного эля.

– Просто Мира сказала глупость, не правда ли? – Макс слегка сжал запястье подруги, но та с возмущением ударила его по щеке.

– Когда мы перестанем бояться и всё-таки попытаемся спасти?.. – Мира вскочила на ноги, не в силах усидеть на месте.

– Ты знаешь, что *они* пытались. И к чему это привело? – накинулась на подругу скрипачка.

– Может, объясните, что тут происходит? – Никита топнул ногой. На лбу выступили капли пота.

Игнат положил руку на плечо нового знакомого.

– У нас тут есть одно правило. Ничего страшного, если ты не поймёшь. Просто знай: для мечты не существует прошедшего времени.

Бариста кивнул, отряхнул брюки и спрятал руки в карманы. Вдруг он увидел кофемашину, которая пряталась в пыльном уголке.

– Ух ты! Сейчас приготовлю вам прекрасный кофе! Такого вы точно никогда не пробовали, – он закатал рукава и подошёл к кофейной машине. Если постараться, то можно играть роль жизнерадостного идиота, не задавать лишних вопросов и делать вид, что тебя всё устраивает. Но на самом деле Никиту грызла неистребимая тоска, которая появилась многим раньше, возможно, в момент рождения, и время от времени напоминала о себе оглушительным скрежетом внутри плюшевого сердца.

Мира забралась на кровать и укрылась пледом, не желая ни с кем разговаривать; впрочем, никто и не собирался этого делать. В комнате послышался бешеный стук клавиатуры, а Линда поспешила скрыться на кухне. Никита увидел, как она обнимает тонкий стан скрипки, но не играет на ней, точно пытаясь отыскать в этой несовершенной тишине подходящий звук. Макс окончательно оставил попытку что-либо написать, надел гигантские наушники и включил панк-рок на полную громкость. Никита хотел спросить, слушает ли поэт Курта Кобейна, но передумал. У Макса было такое отрешённое выражение лица, как будто он совершенно забыл о

существовании разругавшихся приятелей.

– Это твоё хобби? – внезапно спросила Линда. Бариста, погружённый в собственные мысли, вздрогнул. Скрипачка выглядела намного доброжелательнее, чем в первые минуты их знакомства, она улыбалась и смотрела Никите прямо в глаза. Он немного смутился, потёр кончик носа и как будто хотел что-то сказать, но не нашёл правильных слов. Невольный румянец выступил на его щеках. Да, Линда была очень красивой, её ясно-голубые глаза напомнили ему о другой девушке, которая затерялась на страницах невесомой памяти. Та тоже играла на скрипке и много улыбалась, и с тех самых пор Никита не видел ничего более чистого и искреннего, чем эта потрясающая улыбка.

– Я... я просто привык варить кофе, – наконец ответил бариста, неловко взмахнул холдером и облил себе руки. Линда не удержалась от смеха. Никита бросил на неё короткий взгляд и тут же отвёл. Он заставил себя рассмеяться в ответ, но смех был нервным и напряжённым. Линда это сразу заметила, поэтому приняла серьёзный вид и перевела разговор на другую тему:

– Знаешь, Мирка на самом деле очень классная, просто беспокоится за тебя. Ты можешь считать это странным, ведь вы только что познакомились. Но дело тут вовсе не в этом.

– И я всё же не понимаю... – начал было Никита, но скрипачка поднесла указательный палец к губам.

– Доверься ей – и всё будет хорошо. А кофе пора наливать

в кружку.

Послышался странный звук: как будто кто-то чиркнул спичкой прямо над ухом Никиты. Он оглянулся, но ничего не увидел рядом, поймал на себе вопросительный взгляд Линды и пожал плечами. После этого немого диалога перегорела единственная лампочка.

Никита включил фонарик на телефоне (отныне – главная функция, которую выполнял его сотовый; сети на станции *Медовый раф*, разумеется, не было). Линда крикнула ребятам с кухни:

– У вас всё хорошо? У нас тут лампочка перегорела...

Девушка не успела договорить: через распахнутое окно в хижину влетела стая огромных чёрных воронов. Линда закричала, а Никита застыл с кружкой кофе в руке. Он совершенно не понимал, что происходит и к каким последствиям может привести встреча с птицами-падальщиками. Кажется, они настроены решительно и собираются устроить настоящий погром, но ведь должен быть способ, чтобы их прогнать?

– Да нет никакого способа, Кит, – прокричала появившаяся прямо перед кофеваром Мира, хотя он мог поклясться, что ничего не говорил вслух. – Они пришли, чтобы убить нас!

Никита перевёл взгляд с растрёпанной, запыхавшейся Миры на лица Макса и Игната. Ребята застыли в напряжённой позе и держали перед собой сжатые кулаки, как щит,

приготовившись защищаться. Выражения их лиц были практически одинаковыми: настороженный взгляд, нахмуренные брови и плотно сомкнутые губы.

– Кит! – послышался крик скрипачки.

В это мгновение гигантский ворон сел ему на плечо, и Никита почувствовал прикосновение ледяного клюва. Соперник угрожающе дышал в затылок, касался шеи и готовился её перегрызть. Мира достала камеру и навела на ворона. «Нашла время для съёмки!» – хотел было закричать Никита, но язык прилип к нёбу, и ни одно слово не вырвалось наружу.

– Закрой глаза! – скомандовала девушка, похожая на дитя вереска. Бариста повиновался и не пожалел: вспышки Миркиной камеры ослепляли противников с подчёркнутым хладнокровием и маниакальной жестокостью. Ворон издал такой пронзительный визг, что у Никиты заложило уши, и почти в то же мгновение он ощутил необыкновенную лёгкость во всём теле. Гигантская птица пала в неравном поединке с повелительницей вспышек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.